

другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа” (Виноградов 1981: 19). Придавая исключительно важное значение вопросам культуры речи и относя ее развитие к первостепенным задачам стилистики, В.В. Виноградов подчеркивал, что “связи и соотношения языковых элементов однородной стилистической окраски опираются не на структурные качества языка, не на формы и не на лексические и грамматические значения, а на социально-экспрессивные оттенки, на свойства функционального использования языковых средств в многообразии видов общественно-речевой практики” (там же: 16).

М.Н. Кожина и представители ее научной школы, делая в нескольких энциклопедических статьях содержательный исторический обзор взглядов на стиль (СЭСРЯ 2003), отмечают в итоге, что “стиль творится и выражается в речевой деятельности, в процессе упорядочения языка и запечатлевается в тексте. Стиль – это одно из существенных свойств текста, формирующихся и выражающихся в его речевой системности, обусловленных в той или иной сфере и ситуации общения определенной совокупностью экстралингвистических стилеобразующих факторов” (Кожина 2003: 511).

И.В. Арнольд, разработавшая основы стилистики декодирования, т.е. стилистики восприятия, или “стилистики от адресата”, на базе современного английского языка, говоря об общих задачах этой филологической дисциплины, видит их в исследовании “принципов и эффекта выбора и использования [...] языковых средств для передачи мысли и эмоции в разных условиях общения” (Арнольд 1981: 7).

Известный в нашей стране автор неоднократно переиздававшейся французской стилистики К.А. Долинин, считая, что “слово *стиль* не обозначает непосредственно наблюдаемый объект, процесс или свойство объекта реального мира – нечто такое, что существует вполне независимо от нас”, а является неким конструктом, понятийный объем которого “не устанавливается сам собой, поскольку мы сами вычленим из мира наблюдаемых объектов и процессов какие-то явления, которые именуем стилем”, не формулирует целостную дефиницию стиля, ограниченную рамками одного высказывания. Тем не менее, по мнению исследователя, во всех разнородных употреблениях слова *стиль* есть постоянное ядро значения этого слова, которое подразумевает “специфический способ действия, т.е. какие-то отличительные признаки, характеризующие человеческую деятельность и ее продукты” (Долинин 1987: 7). Толкуя разные аспекты

Ситуация как фактор стиля

ЕВГЕНИЯ А. ГОНЧАРОВА

(Санкт-Петербург)

Ситуативная обусловленность стиля постоянно признавалась и признается как отечественными, так и зарубежными филологами, хотя указание на органическую связь стиля и ситуации, как и то, какой смысл вкладывается в оба рассматриваемых понятия, имеют неоднозначный характер в разных дефинициях и толкованиях понятия 'стиль'.

Чтобы показать это, приведем дефиниционные взгляды на стиль ряда авторитетных ученых, исследующих явления, в основе которых лежит нечто стилистическое, или стилистически значимое, на материале разных языков, и находящихся в соответствии с этим под определенным давлением традиций, которые сформировались в общей теории и практике изучаемых ими языков. Отметим при этом, что все филологи, так или иначе интересующиеся проблемами стиля, подчеркивают "многомерность", а также связанные с этим возможность и необходимость изучения стиля "с различных точек зрения" (Кожина 2003: 508), "плюривалентную сложность" (*plurivalente Komplexität*) феномена стиля и обязательность привлечения междисциплинарных связей при его рассмотрении (Lerchner 1995: 99). Отсюда вытекает признаваемое всеми учеными то усложняющее исследования стиля обстоятельство, что практически невозможно дать "единственно верное" определение стиля (*eine einzige gültige Stilbestimmung*) и такое его научное описание, которое бы содержало все аспекты этого многослойного языкового явления (Fix, Poethe, Yos 2002: 33), многие из которых не имеют собственно лингвистическую природу.

Так, для В.В. Виноградова стиль – это "общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с

названного им семантического инварианта терминологического значения слова *стиль*, К.А. Долинин уделяет значительное внимание *коммуникативной (речевой) ситуации* (там же: 19-22), которую – что очень важно для наших дальнейших рассуждений о соотношении понятий ситуация и стиль – он рассматривает как составную часть *деятельностной ситуации*. В коммуникативную ситуацию автором включаются, далее, партнеры по общению, их (меняющиеся) речевые позиции адресата и адресанта; социальные и психологические роли, а также личностные качества участников общения, среди которых может присутствовать и так называемый *наблюдатель*, т.е. такой (факультативный) участник общения, “кому речь непосредственно не адресована, но кто в силу каких-то обстоятельств воспринимает и истолковывает ее” (там же: 20); (акустический или визуальный) канал связи.

Э.Г. Ризель, известная в России и за рубежом основательница отечественной научной школы функциональной стилистики на базе немецкого языка, вообще рассматривает понятие стиль прежде всего через призму функционального стиля и ставит при определении последнего во главу угла “признание общественных задач, которые должны выполнить в той или иной сфере речевого общения соответствующие способы использования языка” (Riesel, Schendels 1975: 18). М.П. Брандес считает, что “в основе моделирования стиля словесного произведения” лежит деятельность как система, как внутренний процесс, который осуществляется с помощью мышления, как программа для решения той или иной задачи в соответствии с заданными целями путем определенных методов и средств” (Брандес 1983: 55).

Как видим, среди координат стиля называются связь “приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения” с “целями” и “функциями”, а также “виды общественно-речевой практики” (Виноградов), “та или иная сфера и ситуация общения” (Кожина), “разные условия общения” (Арнольд), или широко толкуемая “коммуникативная (речевая) ситуация”, задающая “специфический способ действия” (Долинин), соответствующие разным условиям общения “общественные задачи” (Ризель), “цели деятельности” (Брандес), короче говоря все то, что предполагает непрременную проекцию стиля на речевое общение, всегда детерминируемое определенными коммуникативными и прагматическими обстоятельствами, и что входит в терминологический смысл слова *ситуация*, актуальный для толкования понятий стиль и стилистическое содержание, или стилистическая информация.

С еще большей определенностью стиль связывается с ситуацией в последних исследованиях стиля в немецкой германистике. Авторы У. Фикс, Х. Пете и Г. Йос ставят на первое место среди видов стилистических информаций текста ту информацию, которую говорящий передает другому участнику коммуникации относительно лежащей в основе текста ситуации (*Information des Produzenten an den Rezipienten über die dem Text zugrunde liegende Situation* – жирный шрифт авторов; Fix, Poethe, Yos 2001: 27). Г. Михель в своей посмертно изданной стилистике текста, обобщая взгляды многих других лингвистов, приходит к выводу, что в смысловой и функциональной обусловленности лексических и грамматических элементов в тексте всегда сходятся три направления: от языковой системы (*Sprachsystem*), от языкового контекста (*sprachlicher Kontext*) и от коммуникативной ситуации (*kommunikative Situation*) (Michel 2001: 50). Немецкий социолингвист Н. Диттмар вообще предлагает ввести термин *Situolekt*, который бы обозначал концепт стиль на фоне диалектов, социолектов, идиолектов и др. (Dittmar 1997).

В связи со все более интенсивным развитием в наше время так называемой *новой риторики* стилистические аспекты ситуации рассматриваются нередко в их соотносительности с риторическими моментами речевого общения (ср.: Hoffmann 2008: 1316-1335). Действительно, уже в античной риторике, выделявшей, как известно, пять обучающих ступеней в подготовке и реализации речи, способной воздействовать на других, ступень *elocutio*, связанная с “приличествующим” ситуации общения речевым формулированием мыслей, т.е. с одним из аспектов стиля в его современном понимании, предполагала в первую очередь целесообразность (лат. *aptum*) используемых говорящим языковых элементов и речевых фигур, их соответствие отобранному тематическому материалу общения (ступень *inventio*), а также смысловой организации этого материала (ступень *dispositio*). Тем самым установка на целесообразность как некую, предопределяемую определенным сообществом и осознаваемую им в практике воздействующего речевого общения нормативность языкового оформления речи, которая к тому же обусловлена и тематическим материалом общения, опирается в семантическом и прагматическом аспектах на понятие ситуации (в ее классическом смысле – как совокупности обстоятельств), поскольку именно из ситуации вытекают и сам содержательный материал, лежащий в основе общения, и то, как он компонуется на мыслительном уровне, и каким образом формулируется посредством соответствующих языковых средств в речевом потоке.

Достаточно явственно понятие ситуации просматривается, например, в авторском риторическом учении Аристотеля, у которого это понятие, во-первых, имплицитно заложено в основе устанавливаемой триады: оратор – предмет речи – публика, причем последней отводится главенствующая роль в общении, поскольку именно публика и задает его направление, и определяет цель общения. Во-вторых, три категории научной риторики, устанавливаемые Аристотелем (э т о с, т.е. уместность речи, ее обращенность к нравственным ожиданиям и интересам слушателей; п а ф о с, состоящий в убедительном выражении позиции говорящего; л о г о с, подчеркивающий логику построения речи, включая и использование языковых средств), выделяемые им виды речей (совещательные, судебные, эпидейктические), внимание к разному характеру так называемого интимного и делового речевого общения и др. (см. *Античные риторики* 1978, также Львов 2004) в качестве подводного течения имеют, выражаясь современным языком, ситуативную зависимость.

В римской риторике – одновременно с усилением прагматических тенденций в ее развитии – повышается интерес к личности и социальным аспектам деятельности оратора (Цицерон), разрабатываются своды правил и методы тренировки (прежде всего у Квинтилиана) при подготовке красноречия как одного из механизмов управления людьми, а также даются перечни жизненных ситуаций, побуждающих человека к высказыванию как к таковому и к красноречию. Среди проблем, осознанных и во многом разработанных в дальнейшем в риторике к началу новой эры, присутствуют такие, непосредственно относящиеся к ситуативной обусловленности речи, как “типы речи и сферы применения красноречия; личностные качества говорящего: его позиция, учет адресата, а отчасти и позиция самого адресата” (Львов 2004: 14).

С другой стороны, в основе античной риторики – в любом из ее проявлений – лежит, как известно, понимание речевого общения как процесса персуазивного, т.е. такого, общее целеполагание которого состоит в непременном воздействии на публику. Воздействие – посредством коммуникативно-речевых стратегий убеждения и обольщения – может иметь под собой либо чисто психологическую подоплеку и сопровождаться стремлением адресанта речи вызвать ментальное и эмоциональное сопереживание адресата, либо быть деятельностно ориентированным, т.е. направленным на изменение поведения адресата/-ов: побуждение его/их к совершению или отказу от совершения определенных действий (Голоднов 2003; Гончарова 2000: 132-142). Именно это центральное положение

античной риторики находит в наше время свое продолжение и развитие, обогащенное данными таких наук внешней лингвистики как прагмалингвистика, психолингвистика и, не в последнюю очередь, стилистика (ср., например, Hoffmann/Keßler 1998).

В общественном сознании любого этноса существует представление о том, что воздействие (в том числе с помощью речевых высказываний) может и должно осуществляться в разных деятельностных и коммуникативных ситуациях по-разному: политик (говорящий, адресант) во время предвыборной компании в общении с предполагаемыми избирателями (массовый адресат) прибегает в своей речи к иному модусу формулирования, или стилю, нежели в полемическом диалоге с непосредственным коммуникативным адресатом – политическим/-и соперником/-ами (где массовый адресат-избиратель приобретает роль наблюдателя), а в случае избрания – в выступлениях перед членами политического гремуума (общение коммуникантов с равноправной социальной ролью и паритетными речевыми функциями). В то же время разные политики демонстрируют разные формы речевого поведения и используют разные языковые средства, помогающие, на их взгляд, достигнуть максимального воздействия на публику (как прямого адресата речевого воздействия и как наблюдателя) при аналогичной тематике общения. Тем самым изменение характера даже одного параметра ситуации (например, адресата) не может не сказаться на модусе формулирования, или стиле, речевого/-ых высказывания/-ий.

Еще один пример: преподаватель-ученый (адресант, осознающий и демонстрирующий свою научную компетентность в качестве исходной активной позиции когнитивного процесса, объединяющего его с другими,) прибегает не к одним и тем же речевым средствам убеждения в своих рассуждениях на аналогичную тему, скажем, в научной монографии (предполагаемый адресат текста – научно-предметно компетентная личность, равноправный участник когнитивного процесса), в учебнике для студентов (подчиненная познавательная и социальная роль адресата в дидактически направленном когнитивном процессе по визуальному/письменному каналу) и, далее, в устной лекции или научном докладе (акустический канал научно-дидактического речевого процесса или совместной когнитивной деятельности адресанта и адресата/-ов с паритетными речемыслительными функциями). Иными словами, во всех выше названных ситуациях риторические, или персуазивно ориентированные, позиции речи (в единстве

этоса, пафоса и логоса, по Аристотелю) органично связаны с речевыми действиями говорящих, осознаваемыми социальной общностью как целесообразные и уместные для определенного положения дел и для решения неких/-ой социальных/-ой и индивидуальных/-ой проблем/-ы. Не выходя за рамки подобных конвенциональных речевых действий, коммуниканты, однако, могут реализовать свое право на допускаемое соответствующей ситуацией использование индивидуальных модификаций общепринятого способа речевого формулирования высказывания, т.е. проявить себя как “языковую”, “речевую” и “коммуникативную личность” (ср.: Караулов 1989; Красных 1999).

Таким образом, если исходить из тесной коррелятивной связи риторического и стилистического и попытаться для начала очертить границы ситуации как фактора, объединяющего риторическое и стилистическое в речевой деятельности современного человека, то, опираясь на представления исторической и современной риторики, ситуацию в самом общем виде можно определить как некое “преднаходимое, подлежащее воздействию и изменению посредством риторических средств состояние”, а точнее, “состояние делового, персонального или социального характера, в котором находятся группы людей к определенному пункту времени и которое – имея для людей важное значение – может быть изменено с помощью речевого общения” (Hoffmann 2008: 1321; перевод наш – Е.Г.). Изменения определенного состояния группы людей “с помощью речевого общения” закрепляются, как известно, в форме словесных произведений. А любое словесное произведение, создаваемое человеком, всегда предполагает определенные принципы “отбора и комбинации наличных языковых средств, их трансформаций” (Степанов 1990: 494), которые зависят от поставленных целей коммуникации и ситуации, в которой эта коммуникация осуществляется, т.е. используемое в риторических целях словесное высказывание не может не отличаться от других словесных произведений своим стилем. Нельзя не согласиться в этом смысле с немецким исследователем Г.М. Гаугером, который отмечает, что стиль всегда ограничен какими-то рамками, в пределах которых он только и может существовать рамками языка, определенной дискурсивной традиции, текста; там, где есть “только одна возможность, стиль невозможен” (Gauger 1995: 7 ff.).

Приведем еще один (из множества других возможных) примеров организационной связи риторического и стилистического принципов речевых действий в социальном и индивидуальном существовании современного чел-

овека. Желая получить новое место работы и изменить тем самым свое общественное и индивидуальное состояние, мы (как адресанты речевого общения) прибегаем при формулировании письменных документов (заявления, автобиографии, резюме и др.) или во время устного интервью, с одной стороны, к неким общим, известным нам из социальной практики целесообразным принципам отбора и речевого комбинирования в тексте языковых средств, которые позволяют нам представить себя в исключительно выгодном свете, убедить адресатную сторону в нашей профессиональной пригодности и склонить ее к приему нас на работу. Однако мы осознаем при этом необходимость дифференцировать лингвостилистические способы самопрезентации, обращения к адресату и положительного воздействия на него в случае письменного и устного общения (т.е. в зависимости от вызванного ситуацией общения канала связи). Далее, социальный статус просителя и запрашиваемого им рода профессиональной деятельности также скажутся на принципах отбора и комбинации в речи языковых средств и характере используемых речевым субъектом трансформаций языковых единиц и явлений. И, наконец, осознание либо отсутствие осознания конвенциональных, соответствующих установившимся к данному пункту времени в социальной общности правил речевого общения в профессионально-деловой сфере также скажутся на успешности / неуспешности предпринимаемого коммуникативно-речевого действия в плане «изменения состояния делового, персонального или социального характера», в котором находится говорящий к данному пункту времени.

При обсуждении вопросов, связанных с конструктивной ролью ситуации для формирования стиля, не следует упускать из внимания ставшее в современной стилистике неоспоримым положение о том, что стиль как целостное функционально-речевое образование, как познавательная категория, помогающая дифференцировать разные формы присвоения себе языка человеком, реализуется в полной мере лишь на уровне текста. Последнее обстоятельство, как известно, постоянно отмечается современными исследователями стиля (ср.: Кожина 2003; Antos 1982: 56-91 ff.; Fix, Poethe, Yos 2001: 26-28; Sandig 2006: 4-6 ff. и др.).

Стилистически отмеченное, точнее, потенциальное стилистическое, значение, или стилистическая компонента в языковом значении может, как известно, присутствовать и в отдельно взятых языковых (прежде всего лексических) единицах, стиль же изначально относится к целостному тек-

стовому образованию. Многие авторы, также считая стиль свойством текста, даже различают в связи с этим два самостоятельных вида стилистики: стилистику ресурсов, или структурную стилистику, и стилистику текста (СЭСРЯ, 2003: 421-431).

Говоря о тексте как уровне реализации стиля, мы, вслед за В.Г. Адмони, считаем при этом важным – в том числе и по отношению к ситуативным факторам стиля – дифференцированное рассмотрение цельных текстов как воспроизводимых высказываний на фоне так называемых разовых высказываний (ср. Адмони 1993: 71-93). К существенным принципам подобного разделения речевых высказываний в первую очередь принадлежит построение *разового высказывания*, основной сферой применения которого является устная речь (чаще всего в диалогической и полилогической, но также и в монологической – осуществляемой внутри двух первых – форме), как бы снизу – “с момента его зачина и в процессе постепенного (или убыстренного, даже лихорадочно убыстренного) развития, часто с неожиданными отклонениями и структурными сдвигами, и получающего свое подлинное оформление в процессе его создания” [там же, 86], а текста – как бы сверху, “исходя из когнитивно заданной формы текстовой цельности с ее композиционным оформлением” [там же, 87].

Как свойство цельного текста стиль представляет собой модус (его) формулирования, характеризуя новые свойства текста, получаемые текстовым целым – в дополнение к обязательным, базовым, критериям текстуальности (например, цельность, связность и др.) – в зависимости от смены способа представления темы, речевого субъекта текста и предпринимаемых им речевых действий для достижения цели/-ей в коммуникации средствами языка. В качестве фиксируемой в устном или письменном виде формы речевой деятельности некоего активного речевого субъекта, которая воспринимается в процессе общения другим/-ими субъектом/-ами. текст, что неоднократно отмечалось выше, всегда подчинен целям не только коммуникации, но и иных видов деятельности обеих ее субъектных сторон. Это означает, что научный и практический анализ стиля (текста), как минимум, должен включать в собственно языковую интерпретацию текста следующие ситуативные факторы: (1) субъект речи; (2) вид его интенциональности, связанной с производством текста; (3) особенности представляемого предмета коммуникации, т.е. темы; (4) характер системы речевой и внеречевой деятельности автора текста, (5) направленной на другого/-их субъекта/-ов, которые связаны с автором текста рамками (по

Гаугеру, см. выше) определенного вида коммуникации (Гончарова 1999: 146-154).

В совокупности названные (антропоцентрические) параметры стиля свидетельствуют об обязательной настройке способа формулирования текста на ситуацию его возникновения и восприятия. Создать стиль есть тем самым не что иное как сформулировать текстовую структуру, которая бы соответствовала ситуации сообщения (новой) информации и общения на этой основе между участниками коммуникации, осуществляющими ее в общем контексте своей речевой и внеречевой деятельности. Это положение отмечается, в частности, в стилистической концепции известной немецкой исследовательницы Б. Зандиг, которая в качестве первоочередного отношения между стилем и ситуацией называет *аккомодацию*, т.е. приспособление одного к другому, и определяет стиль исходя из подобного отношения как “способ осуществления конкретных действий посредством текстов / высказываний в ситуациях” (Sandig 1986: 157).

Ситуация, или ситуативность, принадлежит и к онтологическим координатам текста, она постоянно называется, как известно, среди обязательных критериев текстуальности и может быть уточнена с помощью атрибутивного словосочетания *коммуникативная ситуация*, если признать за текстом роль исходной единицы коммуникации. Будучи одной из основ языковой деятельности людей, “коммуникативная ситуация включает сознание коммуникантов (участников общения) и создающийся в процессе общения текст. Текст и ситуация замкнуты друг на друга, образуют содержательное, структурное и функциональное единство” (Кибрик 1987: 41). Одновременно с этим, или, что точнее, на основании этого, ситуация принадлежит к безусловным детерминантам и текста и его стиля, так как именно от нее (при разном стилистическом акцентировании в текстовой композиции и архитектонике названных выше параметров ситуации) зависит модус формулирования текста. Последнее означает, что ситуацию можно считать имманентной составляющей всех стилевых, т.е. содержащих стилистическую информацию, текстовых элементов.

При научном толковании отношения аккомодации между ситуацией и стилем воспроизводимого высказывания-текста следует исходить не только из чисто коммуникативных обстоятельств осуществляемого с помощью рассматриваемого текста речевого взаимодействия (связанных, например, с характером отправителя и получателя речи, их социальным статусом и личностными особенностями, с каналом связи, видом “надречевой”

деятельности и др.). В концептуальный смысл слова *ситуация* как лингвостилистического термина возможно включение и собственно языкового контекста словесно-речевого произведения, который, вытекая из лексико-грамматической связности и композиционно-смысловой цельности текста, является, одновременно с этим, ситуативным источником дополнительных стилистических коннотаций, входящих в стилистическую информацию, или стиль, словесного произведения. В ситуативно значимый лингвистический контекст, или контекстуальную речевую ситуацию текста, как базу его модуса формулирования (стиля) могут включаться, например, виды и комбинации повторов, характер используемой автором прагматической и семантической сочетаемости отдельных языковых элементов в текстовой структуре или сознательное нарушение им этой сочетаемости, тенденция к отходу в определенных позициях текста от лексико-семантической и грамматической норм словоупотребления, появление в текстовой структуре нетипичных словесных форм, авторских неологизмов и неожиданных синтаксических конструкций и т.д.

Подобная методология изучения ситуации как фактора стиля (текста) позволяет представить ее в виде конструкта, объединяющего, как минимум, два вида ситуации: коммуникативную, внешнюю по отношению к тексту, и внутреннюю контекстуально-речевую ситуативную детерминанту стиля. Следует отметить при этом, что контекстуально-речевая ситуация стиля (текста) является по своей сути деятельностью ситуацией, которая, однако, в отличие от называемого К.А. Долининым вида ситуации (см. выше), проецируется не на “на-речевой” вид деятельности говорящего, а на его ментально-речевую деятельность по созданию словесного произведения. Несомненно, разделение ситуации как стилистической детерминанты на два вида существенно только для чисто исследовательских целей: оба этих вида неразрывно связаны между собой и в стилистическом содержании отдельных элементов текста, и в сознании как автора текста, так и читателя/слушателя, воспринимающего конкретный текст.

Параметризация контекстуально-речевой ситуации стиля может, на наш взгляд, осуществляться в научном плане в том числе с опорой на понятие стилистической функции, в его толковании И.В. Арнольд – как “зависимости информации второго рода от структуры произведения” (Арнольд 1999: 159). Называемые автором в качестве “особенностей стилистической функции”: неэксплицитность (преимущественное выражение стилистического на уровне коннотаций), аккумуляция

(представленность стилистической функции не в одном приеме, а в конвергенции, пучке приемов) и иррадиация (возникнув на одном участке текста, стилистическая функция воздействует на другие его фрагменты) (там же: 160), – представляют собой, с одной стороны, следы речевой деятельности автора, отражающие его реакцию на внешнюю коммуникативную ситуацию текста, а с другой, совокупность языковых явлений в композиционной и архитектурной ситуации конкретного текста, на основе которых интерпретатор может вычлениить характеристику его стиля.

Выше сказанное подтверждает, что в качестве предмета научного филологического описания ситуация может трактоваться и широко и узко, касаться только внеязыковых факторов создания и восприятия текстов, влияющих на их стиль, или же затрагивать и собственно языковые механизмы, изнутри текстовой структуры определяющие характер стилистической информации конкретного текста. При широком толковании термин *ситуация* заменяется некоторыми исследователями на конситуацию, под которой понимаются “условия (в самом широком смысле) общения и его участников (т.е. кто, что, где, когда)” (Красных 1999: 22). Это объясняется прежде всего тем, что ситуативные внеязыковые (коммуникативные) факторы, вызывающие появление текста и сопровождающие процесс его восприятия, могут иметь либо широкий (сфера деятельности субъектов коммуникации, дискурсные параметры этой коммуникативно-речевой области, социальные отношения и статусные роли автора и читателя, индивидуальная или социальная значимость создаваемого текста и т. д.), либо более узкий диапазон (конкретная цель коммуникации, канал связи адресанта с адресатом, формальные и содержательные рамки избираемой текстовой модели и др.). Бесспорно, однако, (и требует дальнейших исследований) то, что между отдельными ситуативными факторами стиля существует определенная системная связь, или иерархия, характер которой может меняться в разных классах и типах текстов.

Несомненно, коммуникативная (кон-)ситуация, являясь облигаторным, объективным фактором появления текста как инструмента коммуникации, представляет собой обязательный по отношению к речевой структуре текста стимул для его особой стилистической организации. Отдельные компоненты коммуникативной ситуации могут быть с разной степенью эксплицитности представлены в стилистической информации текста и – исходя из этого – по-разному соотноситься с контекстуально-речевой ситуацией стиля (текста), т.е. его “внутренней” информацией второго рода, детермини-

рованной и структурой текстового целого и коммуникативной (кон-)ситуацией, в которой существует текст.

Так, например, для модуса формулирования, или стиля, такого типа текста как личное письмо конструктивную роль играют стилистические информации о письменной и минимально связанной с социальными конвенциями ситуации речевого общения, в основе которой лежит и особый (неофициальный, непринужденный) характер отношений между коммуникантами, и, как правило, особый вид тематического содержания текста, связанного с личной, индивидуальной сферой мышления и бытия. Названные ситуативные параметры, в свою очередь, вызывают аккумуляцию и конвергенцию стилистических сигналов пространственной и временной (но не психологической и эмоциональной) дистанции между участниками, речевого эгоцентризма автора письма и его одновременного стремления к реализации фатической коммуникации, включая иррадиальную настройку используемых языковых средств и речевых приемов на обиходную разговорность и эмоциональность выражения, которые в связи с этим могут рассматриваться как коммуникативно-прагматические и контекстуально-речевые составляющие ситуативного/-ых фактора/-ов, лежащего/-их в основе модуса формулирования (стиля) рассматриваемого типа текста.

Ситуативные факторы делового письма, частично совпадая с выше названными, поскольку обе разновидности текста принадлежат к единому классу текстов, тем не менее меняются, что сказывается на стилистической организации текста и характере входящих в нее языковых элементов. Аккумуляция и иррадиация эгоцентрических языковых единиц (личные и притяжательные местоимения 1-го лица, глаголы из сферы мыслительной и эмоционально-психической деятельности, оценочная и разговорная лексика, структуры экспрессивного синтаксиса и др.) уступают место специальной лексике и клишированным формам речи, принятым в соответствующей профессионально-деловой деятельности, возрастает прагматическая целесообразность использования специальных форм обращения и прощания, специальных языковых сигналов композиционно-тематического членения и сцепления текста и т. д.

Как видим, ситуация, будучи имманентной составляющей текста и детерминантой его стиля, включает в себя в том числе отражение процессуальной (связанной с мыслительно-речевой деятельностью автора по созданию текста, читателя по его восприятию, филолога по его интерпретации) и результативной (детерминированной знаковой определенностью и

структурой конкретного текста) сторон словесно-речевого произведения. Будучи результатом, продуктом речемыслительной деятельности некоего субъекта, находящегося в определенных условиях общения, текст по определению является репрезентантом соответствующей коммуникативной ситуации, и в его лингвостилистической оболочке всегда актуализируются определенные речевые сигналы этого. Так, входящие в структуру текста фразы: *Дорогой друг, наконец-то я получил от тебя весточку*, или *Уважаемые коллеги, подтверждаем получение Вашего почтового отправления*, – с одной стороны, являются языковыми сигналами стилистической информации о коммуникативной (кон-)ситуации письменного речевого общения посредством типа текста письмо, а, с другой, – коммуникативных и контекстуально-речевых различий в характере этой общей ситуации по отношению к двум конкретным текстам. Приведенный пример в очередной раз иллюстрирует **градиентный** характер и самой ситуации как фактора стиля (текста), и тех элементов текста, которые выступают в функции лингвостилистических сигналов информации о ней.

Градиентный характер ситуации справедлив и по отношению к процессуальной стороне текста, которая подразумевает обязательную для его порождения и восприятия интеракциональность, т.е. обоюдную коммуникативно-прагматическую ориентированность речевых действий адресанта и адресата друг на друга. В речевые действия автора текста непременно входит очерчивание ситуативных параметров создаваемого текста (включая и представления о предполагаемом адресате), знание о которых и умение их стилистически оформить зависят от речевой компетентности адресата, точно так же как от речевой компетентности второго участника коммуникации будет зависеть характер и семантико-прагматический объем декодирования этой стилистической информации.

Систематизация параметров ситуации как детерминанты и имманентной компоненты стиля текстов, входящих в разные этнокультурные, культурно-исторические, социально- и индивидуально-речевые дискурсы, так же как и анализ прототипических лингвостилистических сигналов информации о ней, принадлежат, на наш взгляд, к приоритетным направлениям современной стилистики текста, в том числе стилистики медиальной коммуникации.

Литература

- Античные риторика*, 1978, под ред. А.А. Тахо-Годи, Москва.
- Арнольд И.В., 1981, *Стилистика современного английского языка*, Ленинград.
- Арнольд И.В., 1999, *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Сборник статей*, Санкт-Петербург.
- Брандес М.П., 1983, *Стилистика немецкого языка*, Москва.
- Виноградов В.В., 1981, *Проблемы русской стилистики*, Москва.
- Голоднов А.В., 2003, *Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы)*. Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук, Санкт-Петербург.
- Гончарова Е.А., 1999, *Стиль как антропоцентрическая категория. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы*, "Studia Linguistica", №8, Санкт-Петербург.
- Гончарова Е.А., 2000, *Персуазивность и способы ее языковой реализации в дискурсе рекламы. Проблемы теории европейских языков*, "Studia Linguistica", №10, Санкт-Петербург.
- Гончарова Е.А., Шишкина И.П., 2005, *Интерпретация текста*, Москва.
- Долинин К.А., 1987, *Стилистика французского языка*, Москва.
- Караулов Ю.Н., 1989, *Язык и личность*, Москва.
- Кибрик А.Е., 1987, *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*, Москва.
- Кожина М.Н., 2003, под ред., *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, Москва.
- Красных В.В., 1999, *Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (Коммуникативный акт, дискурс, текст)*. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук, Москва.
- Львов М.Р., 2004, *Риторика. Культура речи*, 2-е издание, Москва.
- Степанов Ю.С., 1990, *СТИЛЬ*. Лингвистический энциклопедический словарь, Москва.
- СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, 2003, под ред. М.Н. Кожиной, Москва.
- Antos G., 1982, *Grundlagen einer Theorie des Formulierens. Textherstellung in geschriebener und gesprochener Sprache*, Tübingen.
- Dittmar N., 1997, *Grundlagen der Soziolinguistik*, Tübingen.
- Fix U., Poethe H., Yos G., 2001, *Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger*, Frankfurt am Main.
- Gauger H.-M., 1995, *Über Sprache und Stil*, München.

- Hoffmann M., 2008, *Situation als Kategorie von Rhetorik und Stilistik, Rhetorik und Stilistik. Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung*, hrsg. Fix U., Gardt A., Knappe J., 2. Halbband, Berlin–New York.
- Hoffmann M., Keßler Chr. (Hrsg.), 1998, *Beiträge zur Persuasionsforschung. Unter besonderer Berücksichtigung textlinguistischer und stilistischer Aspekte*, Frankfurt am Main.
- Lerchner G., 1995, *Stilwandel, Stilfragen*, hrsg. Stickel G., Berlin.
- Riesel E., Schendels E., 1975, *Deutsche Stilistik*, Москва.
- Sandig B., 1986, *Stilistik der deutschen Sprache*, Berlin.
- Sandig B., 2006, *Textstilistik des Deutschen*, Berlin.

Situation as a Style Factor

There is no unanimous point of view concerning the organic relationship between 'style' and 'situation', mainly because of different definitions and interpretations of the concept of 'style'. As a quality of an integral text, style presents a text formulating modus, which characterizes new textual qualities that appear as optional to the basic necessary criteria of textuality (e.g. integrality, coherence, etc.) as a result of altering the 'situation' of making and perceiving the text. Making a 'style' means formulating that kind of a text structure which would accommodate to the 'situation' of presenting (new) information to the communication partners.

As a subject of a philological description 'situation' can be interpreted both in the broad and in the narrow sense. It can take into account extralinguistic factors of making and perceiving the text, which influence the style as well as proper linguistic mechanisms that define the nature of stylistic information of a particular text. In the textual structure one can differentiate a certain system of relations between separate situational style factors as well as their linguostylistic markers. The character of such hierarchy may vary in different text classes and types. This proves the fact that both the 'situation' as a (text) style factor and the elements, which function as linguistic markers of stylistic information, are of a gradient character.

Keywords: style, situation, text formulating modus, speech competence, stylistic information, extralinguistic factors, 'external' situation, 'internal' speech-contextual style determinant, situational style factors, linguostylistic markers of situation.